

Фёдор Летуновский

Как ты там?

памяти всех наших друзей

18+

Фёдор Летуновский

Как ты там?

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Летуновский Ф. В.

Как ты там? / Ф. В. Летуновский — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Эта повесть не является фантастической, но рассказывает о странных и необычных событиях, которые произошли с двумя друзьями – молодыми людьми, закончившими школу в год распада Советского Союза. Главный герой вспоминает своего исчезнувшего друга и рассказывает истории, что случились за двадцать три года их знакомства, начиная с 1990-х и заканчивая серединой 2010-х годов. Это повесть о том, как меняемся мы и мир вокруг, но где находится сам источник перемен, таится ли он где-то снаружи или скрыт внутри нас?

© Летуновский Ф. В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Отлив	5
Андерграунд	7
Сирены	9
Эрмитаж	18
Неоконченное путешествие	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фёдор Летуновский

Как ты там?

Отлив

Просыпаясь по будильнику в шесть утра, ещё в темноте, я убирал в рюкзак бутылку с водой и сразу выходил из дома.

На улице в это время можно было увидеть лишь какого-нибудь одинокого, идущего по своим делам человека, а в предрассветной тишине очень внятно, без помех, разносились на дальние расстояния звуки от одного из храмов. Это могло быть пение, либо чтение сутр или просто музыка, которая была здесь повседневным фоном и никогда не надоедала. Иногда трансляции из двух соседних храмов вступали между собой в резонанс, тогда мелодии и голоса сплетались в единую нить; веками ткалась она, чтобы установить связь между сочной Керальской землей и высоким экваториальным небом, где нет Млечного Пути и все созвездия так незнакомы.

В конце улицы начинался океан, здесь располагалось священное место для пуджи по умершим родственникам, поэтому в любое время суток тут всегда сидят на берегу люди, вместе с брахманом осуществляющие ритуал за упокой душ их близких. Даже сейчас, в темноте, несколько больших семей находились там, склонившись перед стоящими в песчаных углублениях свечами, а у их ног лежали лепестки цветов на пальмовых листьях.

Обычно я всегда проходил дальше, потом раздевался и делал свою йогу, только в это утро длинная и широкая полоса пляжа под обрывом была полностью залита водой – ночью, видимо, штормило посильней, чем обычно. Начинало светать и я хоть с трудом, но нашёл сухой участок песка у камней и поздоровался с несколькими мужчинами, которых я часто здесь встречал. Один из них – известный городской ювелир, который каждый день, перед работой исполняет тут сложные асаны, а остальные либо следуют за ним, либо совершают пробежки вдоль береговой линии или бросают друг другу тарелочку.

Но сегодня было первое утро, когда я не почувствовал привычной прохлады – лёгкий бриз больше не дул с океана, словно где-то наверху точно по расписанию отключили небесный вентилятор. Это начался март, и теперь кто-то невидимый, но, очевидно, почитаемый местными жителями представитель сил природы, каждый день будет плавно поворачивать ручку повышения температуры.

Солнце из просто жаркого станет злым и опасным, а дожди из неожиданного праздника превратятся в неудобную повседневность. И если в начале месяца они ещё будут приносить прохладу, то в конце сезона уже не смогут охладить воздух, оставив для не успевших уехать лишь одно эстетическое удовольствие – наблюдать каждый вечер красивые грозы с разноцветными молниями, бушующими в океане.

В моём родном городе первый день весны никто не отмечает – причин для этого нет, март уже давно считается почти зимним месяцем, но меня не покидало ощущение, что с этим числом связана какая-то дата, некое событие, которое я не могу сейчас вспомнить.

Понемногу становилось светло, индийских йогов и бегунов сменили первые европейцы, пляж оживал на глазах; только одна последняя яркая звезда на юге продолжала ещё гореть, и я называл её Утренняя Венера.

Рассветные волны – самые ласковые и спокойные, у них нет крутого пенного гребня, что уже после полудня норовит накрыть тебя с головой, в это время хорошо плавать вдоль берега, а

к тому моменту, когда солнце показывалось из-за обрыва, я обычно завершал свою дистанцию длиной чуть более километра. Мимо меня быстро проходили лодки рыбаков – маленькие и узкие; деревянные, сделанные всего из трёх толстых брёвен, либо пластиковые, но всё равно повторяющие форму трёх пальмовых стволов, как свои традиционные очертания. Умещалось на них обычно по два человека, их головы и шеи были замотаны полотнищами, иногда они улыбались и махали мне рукой, а я махал им в ответ.

Но сейчас, не чувствуя под ногами земли, только лишь глубину верхнего и нижнего океанов, я всё пытаюсь вспомнить что-то про сегодняшний день, а когда над Клиффом поднялось солнце и его первый, ещё ласковый луч попал на сетчатку моего глаза, то в сознании словно произошла вспышка. Это распахнулись все двери проходных комнат в глубине моей памяти. Ну конечно, сегодня же день рождения Илюши. Моего друга, которого я больше никогда не увижу.

Этот человек был тем, кто всегда находился в эпицентре циклона – самой спокойной его точке, откуда удобно наблюдать бушующий по сторонам шквал. Он парил по жизни, как парашютист в потоках восходящего воздуха, или неожиданно появлялся, как ледяное ядро кометы, что стремглав пронесется мимо, оставляя за собой мерцающий газовый шлейф из событий.

И тогда я решил рассказать о нём несколько историй.

А если я что-то не смогу сразу вспомнить, а вспомнив, не найду этому быстрого объяснения, что ж, ничего страшного, ведь я больше никуда не спешу, а впереди у меня целый март, такой же суровый здесь по жаре, как по холоду на моей Родине. И я где-то слышал, что на границе между зимой и весной рождаются самые стойкие люди, поэтому есть вероятность, что он всё-таки жив, я только не уверен, празднует ли он до сих пор свои дни рождения.

Часть

I

Андерграунд

С Ильёй Колосовым, которого я всегда потом называл Илюшей, я познакомился в мае 1991 года на Гоголевском бульваре. Тогда мы хиповали, а в тот день на Гоголя должна была прийти «казань» – опасные лысые парни в широких красных или клетчатых штанах, с дебильными квадратными причёсками, которые тогда называли «Депеш Мод», по одноимённой группе. Грэхэн в то время ещё не успел отрастить себе длинные волосы, поэтому их слушали не только «депешисты», но «любера» и «казань». По большим праздникам они гуляли по Арбату, били панков и стригли волосатых. Сегодня их тоже ждали.

Вообще, в то время для подростков моего возраста было очень мало альтернатив. Ты мог быть либо мажором – если повезло с богатыми родителями, либо гопником – если имело место пролетарское происхождение, либо ботаником или неформалом, воспитываясь в небогатой, но интеллигентной семье. Других вариантов не было. В пятнадцать лет я попал на курсы при журналистском факультете МГУ, где познакомился с девочкой, которая отвела меня на неформальную тусу. Тогда это место, кафе в начале улицы Горького, негласно называлось «Этажерка», сейчас там находится магазин турецкой одежды.

Мы сидели у подножия памятнику Гоголя и смотрели в перспективу Никитского бульвара. В то время ещё не успели сделать ремонт и две дороги красиво сливались в одну, это был очень приятный вид для созерцания.

Именно тогда все сидящие на лавочках люди мгновенно куда-то исчезли. Мы взглянули в сторону Арбата и слишком поздно обнаружили, что оттуда прямо на нас движется человек пятьдесят гопников.

Убегать было уже как-то позорно – не хотелось раззадоривать их охотничьи инстинкты, поэтому мы оба приняли решение остаться.

Один из здоровенных парней в ярко-красных штанах, белой футболке и неизменной причёске «кирпичом» подошёл прямо к нам.

– Ну и чё вы тут расселись? – мрачно спросил он. Остальные стояли за ним, хищно на нас поглядывая. Бульвар к тому времени полностью опустел – кроме нас не было уже никого.

– А здесь вид очень хороший, – ответил я, превозмогая страх.

– Да, садись с нами, посмотри, – подхватил Илюша.

Мы подвинулись и тогда он сел между нами.

У меня в то время уже было несколько опасных встреч с урлой – обычно это случалось в метро – и я не был избит только потому, что для сначала они задавали тебе несколько стандартных вопросов, типа, кто ты по жизни и что твой странный внешний вид означает. От страха у меня включались мозги и я озадачивал их своими длинными подробными ответами. При этом я не вёл себя, как жертва, а общался с ними на равных, это всегда срабатывало. И, конечно, надо было сразу вычислять лидера и говорить именно с ним, как правило, это был единственный человек в их шайке, имеющий разум.

И вот теперь один из предводителей толпы сидел рядом с нами, и от работы зачатков его интеллектуального процесса зависело то, что произойдёт в следующую минуту.

Он молча сидел между нами, смотрел в перспективу бульвара, и в какой-то момент по его умиротворённому взгляду стало ясно, что этот человек не безнадёжен.

– Да, тут действительно красиво, – сказал, наконец, он, – Ладно, сидите, отдыхайте.

– Пошли дальше, – продолжил он, подойдя к своей многочисленной стае, – Это нормальные ребята, их не трогать.

В тот день мы вместе гуляли до полуночи.

От Арбата мы дошли пешком до Киевского вокзала, ещё не такого страшного, каким он станет через пару лет, а оттуда двинулись по набережной, беседуя о литературе.

Я всего неделю назад прочитал «Симфонии» Андрея Белого и был под впечатлением, а Илюша сказал, что дома у него есть роман «Петербург» и он вполне может дать мне его на один месяц.

Мы дошли до закрытого на вечный ремонт метромоста станции «Воробьёвы Горы», пролезли под бетонным забором и очутились на заброшенной территории у реки. Трава здесь росла выше моей головы, поэтому, не смотря на грохот поездов на высоте прямо над нами, мы ощущали себя персонажами фантастической истории, нашедшими дверь в иное измерение.

Сидя на стальной балке над рекой, Илюша рассказал мне о своём плане обустройства коммуны в деревне его предков под Рязанью. Это была его первая идея и, конечно же, весьма утопическая.

Она заключалась в экономически независимом поселении, состоящем из творческих людей, которые будут всё делать сами. Сейчас бы её назвали чем-то вроде гибрида экологического фермерства и арт-деревни – Илюша опередил эту моду на двадцать лет. Впрочем, это всегда было ему свойственно, поэтому результатов добивался не он, а те, кто в последствии подхватывал его идеи.

Илья вдохновлено говорил о том, как люди сами будут «возделывать свой сад» и заниматься искусством, а деньги понадобятся там только для коммуникации с внешним миром – покупки техники или оплаты электричества.

Я слушал его внимательно, но с сомнением.

Напротив нас возвышались Воробьёвы Горы. В то время они – как и Парк Горького – имели дурную славу – мрачное место, где бродили толпы «урлы» из близлежащих районов и субтильным молодым людям там не стоило появляться. Чего стоит одна только история о том, как гопники ловили гуляющих людей и скидывали их с лыжного олимпийского трамплина, после чего они ломали себе руки и ноги.

И два этих мира – шпаны и неформалов, оба были лишены созидательного начала.

Среди людей, с которыми мы тогда общались, было слишком мало тех, кто умел работать руками. Как говорил тогда мой папа: «хиппи – это бездельники». Персонажи с Гоголевского бульвара были в большинстве своём расслаблены и инертны. Они предпочитали стрелять деньги на портвейн у гуляющих по Арбату прохожих, ходить павлинами перед симпатичными девушками и сваливать при первой опасности.

В это всё и упиралось. Земля была, но пахать её никто не хотел. Самые прогрессивные на тот момент люди мечтали стать коммерсантами и перепродавать результаты чужого труда. Кто сейчас уедет из города, где происходит так много интересного? И сможет ли поэт копать картошку, а художник починить дырявую крышу дома?

Я ответил, что это невозможно. Что городскому человеку надо потратить слишком много лет, чтобы научиться жить на земле и при этом не вызывать ненависть у соседей.

Об этом мы и проспорили, пока не стемнело, а потом вернулись к метро.

И хотя каждый остался при своём мнении, мы обменялись телефонами, а уже через два месяца, сдав экзамены и получив аттестаты, купили билеты в поезд «Москва-Симферополь».

Сирены

Из Симферополя на побережье всегда ходили троллейбусы.

Когда такой привычный транспорт везёт тебя через горные перевалы, всё ближе к Южному Берегу, который ты мечтал увидеть всю зиму, то сердце приятно щемит от ощущения себя частью пейзажа и уверенности в том, что тебя ждут удивительные приключения.

Ещё в детстве я моделировал в своём воображении фантастические события, происходящие на вершинах таинственных скал и в глубине вод, где всегда находилось место моим друзьям Капитану Немо и Ихтиандру. В юности Чёрное море было для меня территорией любви и свободы, и я слишком поздно понял, что в мире есть ещё много других морей и целых четыре океана.

В тот раз мы доехали до Ялты, а оттуда на медленном автобусе, идущему по нижней дороге, добрались до Симеиза, который летом девяносто первого года являлся ещё относительно тихим местом. В десять вечера он пустел и по его главной улице, ведущей от автостанции до «аллеи голых мужиков» никто уже не ходил. На самой аллее тускло освещались гипсовые слепки античных статуй, а вилла Ксения уже тогда напоминала заброшенный дом с привидениями. И это не удивительно, ведь её владелец умер не своей смертью. Он был основателем этого посёлка и, подобно Лопехину, придумал разделить его на участки и сдавать дачникам. В этом ему помогал нанятый архитектор, а большевики, когда пришли сюда, особенно не разбирались и расстреляли обоих. С тех пор две неуспокоенные души мешают провести здесь банальный ремонт – а как иначе объяснить, что за четверть века «незалежности» никто не удосужился привести это место в порядок, даже не смотря на то, что его последним владельцем, является – по слухам – сын одного из президентов Украины.

Впрочем, всё, увиденное мной ещё тогда в этом посёлке, так и осталось. Он застыл в безвременье, как заколдованный «городок в табакерке». Покажите мне фотографии восьмидесятых годов, и я без труда опознаю и бетонное кафе «Симеиз», и «Столовую № 10», где теперь «лежачий» татарский ресторан, и знаменитый тир с его хозяином-инвалидом, что всегда приезжал на маленькой синей машине. Вот только зимние шторма разрушили пристань – корабли уже давно сюда не приходят.

И эта неизменность – главная черта Крыма. Возможно, из-за того, что здесь никогда не было местных жителей как таковых – народы и войска просто приходили на его территорию, разбредались и куда-то исчезали, а потом их так же сменяли другие, оставляя после себя вечные кучи мусора и ласкающие слух имена горных кряжей.

Жили мы даже не в самом посёлке, а на территории заповедника, где у моих московских приятелей было негласно закреплённое за ними место стоянки. Оно передалось нам «по наследству» от старших товарищей и располагалось гораздо выше популярных мест для хиппи и диких туристов, за ручьём и у самых холмов, за которыми построили потом аква-парк.

Наш лагерь представлял из себя благоустроенную площадку под скальным навесом. Кто-то спал прямо там, а я и ещё несколько человек – на открытом пространстве, прямо под звёздами. Несколько раз я даже замечал медленно пролетающие среди их россыпи космические спутники. В заповеднике существовал свой лесник, но у нас с ним были договорённости, мы не жгли костёр и следили за чистотой, поэтому он нас не беспокоил.

Тем летом мы неожиданно познакомились с местной молодёжью, которая, по привычке, враждовала с неформалами, но нам удалось их примирить. Благодаря этому Илюша применил свои организаторские способности и устроил концерт, где все желающие читали стихи, играли на том, что было у них под рукой, и пели, кто во что горазд. Короче, это была полная самодея-

тельность, но стало большим событием, и Илюша принялся налаживать связи среди руководства санаториев и правления посёлка, чтобы к следующему году подготовить уже нормальный музыкальный фестиваль с известными на то время группами.

Но всё это происходило в июле, в предпоследний месяц существования государства и хотя коммунисты к тому времени всем уже надоели, никто и думать не мог, что скоро в нескольких десятках километров отсюда, в таком же маленьком посёлке Форос произойдёт событие, изменившее расстановку сил во всём мире. Ну, не считая, конечно, Австралии.

Пока же, как перед началом бури, всё было тихо, и только за неделю до отъезда произошла история, немного раздвинувшая наши границы восприятия мира.

Обратных билетов у нас не было и эту проблему стоило решить как можно скорее – деньги подходили к концу. Некоторые наши товарищи объявили, что поедут домой автостопом и уже пропили все свои средства. Так как мы им в этом немного помогали, то теперь они рассчитывали, что мы сделаем тоже самое, и смотрели на нас с заметным неодобрением.

Действовать надо было без промедлений. Ближайшая билетная касса располагалась в Алупке, но я предложил Илюше поехать в Ялту – в одном из тамошних санаториев в это время отдыхала моя мама, и я собирался с ней повидаться.

Мы сели в автобус, приехали в разнузданную столицу курортного побережья, отстояли длинную очередь в кассах предварительной продажи, потом длинную очередь за разливным пивом на набережной и отправились в санаторий, где мама вынесла нам со своего ужина какой-то еды и вручила мне сиреневый четвертак с суровым профилем Ильича.

– Здесь так всё дорого, – сказала мама, – Поешьте фруктов хоть напоследок!

– Зато у нас в столовой семь копеек стоит порция макарон, – успокоил её Илюша, – А мы берём сразу тройную, нам даже мясную подливку туда добавляют!

Погуляв с мамой, мы решили срезать путь и вернуться короткой дорогой, которую нам услужливо показал какой-то местный ханурик в белой панаме, но мы очень поздно поняли, что он просто издевался над нами.

Когда мы, продравшись через кусты, вышли на серпантин, то ещё на подходе к автостанции заметили, что она опустела. Все автобусы в нашу сторону уже ушли, а подниматься на трассу и ловить попутку было бессмысленно – алчные жители побережья бесплатно уже тогда никого не возили. Оставалось добираться на перекладных, а когда мы стали выяснять, что к чему, то познакомились с Аришей – обвешанной бусами загорелой девочкой с косичками.

Она рассказала нам, что сама из Днепропетровска и в этом году тоже закончила школу, а последние три года приезжает сюда с подругами. И что её отправили сюда за продуктами, и теперь она опоздала из-за очередей, но если у нас есть немного денег, то она сможет договориться с местными водилами, которые доведут нас до её лагеря, где мы сможем переночевать, а наутро отправиться дальше.

– Нам ведь по пути, мы живём между Гаспррой и Кореизом. – говорила она, вкрадчиво улыбаясь, – И я, кстати, везу детское питание, сегодня мы будем варить молочко...

Разумеется, у нас тогда не возникло абсолютно никаких подозрений. А что такого? Просто милая девушка, предлагает нам ночлег за то, что мы поможем ей добраться до места. Конечно, мы согласились и уже вместе начали обходить надменных водителей, пока не нашли самого сговорчивого.

После Гаспры Ариша попросила нашего шофёра съехать с главной трассы, мы ещё несколько километров проехали по серпантину и остановились в указанном ею месте.

Когда рёв уехавшей машины стих где-то наверху, мы огляделись по сторонам.

Солнце уже ушло за обрыв Ай-Петринского плато, который был хоть и в приличном расстоянии отсюда, но из-за своих размеров, казалось, нависал прямо над нами. Далеко внизу,

окружённое неприступными скалами, плескалось нежное море. Идти отсюда было особенно некуда.

Увидев наше замешательство, Ариша улыбнулась, села на каменный парапет и перебрала через него загорелые ноги.

– А вот здесь, ребята, начинается тайна! – объявила она, – Про тропу эту знают только те, кому надо, да и про наше место тоже. Никому о нём не болтайте и никого сюда не водите. Договорились?

– Конечно, – отвечал я, а Илюша просто кивнул.

И в этот момент, как по команде, по всему пространству вокруг включились цикады. Начинались короткие южные сумерки.

Мы перелезли через парапет и двинулись вслед за Аришей. Было ещё светло, но как я не старался, так и не смог разглядеть под ногами протоптанную дорогу – похоже, её действительно не существовало и это немного беспокоило. Я несколько раз оглядывался назад, чтобы заметить хоть какой-нибудь ориентир для нашего предстоящего возвращения, но каждый раз взгляду было не за что зацепиться в окружающем нас однородном ландшафте.

Мы просто шли за девушкой, любуясь её гибкой фигурой, наблюдая за тем, как она плавно проскальзывала между здоровыми валунами и перепрыгивала пересохшие русла дождевых потоков.

– А долго нам? – поинтересовался я.

– Вниз ещё быстро. Минут пятнадцать.

– А мы успеем? – заволновался Илюша, – А то у нас фонариков нет.

– Вы что, ребята, сегодня же полнолуние! И у нас праздник!

Когда стемнело, я взял Аришу за руку, а другую протянул Илюше. Лес кончился и, спустившись со склона, мы зашагали по прибрежной гальке. Море шумело уже совсем близко, но я не мог разглядеть его до тех пор, пока в одно мгновение всё вокруг не озарилось мягким и белым светом – из-за Ай-Петринского плато показалась луна.

И тогда нам открылась потайная, зажатая меж скалами бухта. Илюша даже присвистнул от удивления – насколько это было идеальное место для стоянки – защищённый обрывами полукруглый каменистый пляж, в центре которого горел костёр, а по краям стояли четыре палатки с навесами от солнца.

А уже когда Аришу окружили три её красивые подруги, мы многозначительно переглянулись и поняли, что сегодня ночью нас ждут удивительные приключения.

Всего девушек было четверо, но у костра сидели двое неразговорчивых бородатых парней, сильно старше нас. Мы поздоровались с ними, но они лишь кивнули в ответ, принимая у Ариши рюкзак, из которого, помимо хлеба, риса и консервных банок, они достали большую коробку сухого молока.

«Ревнуют, – решили мы, – И надо поскорее установить, чьи это молодые люди...»

Ребята тем временем высыпали часть сухой смеси в котелок и принялись медленно заливать её водой, перемешивая ложкой и давя сырые комки слипшегося порошка. Когда он растворился в воде, котёл поставили на огонь, а одна из девушек вынесла из-за палатки охапку местной крымской конопли – такие кусты метра по полтора.

– Знакомьтесь, это Лана, – представила нас Ариша, а две другие её подруги ловко, одним движением счищали листья со стеблей и бросали их в котёл.

– Я Кира, – улыбнулась одна.

– А я Тася, – представилась другая.

– Очень приятно.

Мы с Илюшей один раз уже пили молочко и даже помогали его готовить, поэтому уже считали себя знатоками этого процесса. Стоя у костра, мы наблюдали за медленным кипением

темноватой массы и даже пытались поначалу давать какие-то советы, но парни только сурово зыркали в нашу сторону и мы быстро поняли – в нашей помощи они не нуждаются.

– Вы лучше им не мешайте, они справятся, – сказала Лана, неожиданно обвив руками Илюшин торс, – Пока оно приготовится, пойдёмте пока поплаваем!

– Да, идём плавать!

– Плавать в полнолуние!

И девушки принялись раздеваться, легко высвобождаясь от одежды, словно сбросившие старую кожу грациозные змеи. Луна осветила их обнажённые тела и, хотя на диком пляже Симеиза все девушки тоже так загорали и мы с Илюшей думали, что уже вполне к этому привыкли, но в этот раз моментально возбудились.

Поэтому мы быстро всё с себя сняли и прыгнули в воду. А они со смехом побежали за нами, поднимая брызги.

Мы плыли по лунной дорожке, поддаваясь её притяжению, а когда я повернул назад, то увидел рядом с собой Аришу. Вместе мы возвращались, а когда я почувствовал под ногами дно, то одновременно с этим ощутил и её прикосновения.

Какое-то время мы целовались и гладили друг друга, а потом, в паре десятков метров от нас я обнаружил Илью, обнимавшего Лану. Судя по всему, они тоже занимались чем-то подобным. Две их подружки плавали где-то вдалеке, и я понял, что на берегу остались их молодые люди, а Лана и Ариша сейчас распределили нас между собой.

Выходить из воды не хотелось, но нас позвали на берег – молочко было готово.

Я натянул шорты, а девушки так и остались – из одежды на них были лишь бусы и украшения из бисера. Они окружили нас, улыбались, гладили по плечам и шептались между собой:

– Забираем этих мальчиков...

– Они хорошие...

– Т-ш-ш...

Каждому из нас налили по гранёному стакану тёплого молочка. Мы медленно выпили его вместе со всеми и были уже абсолютно пойманы в их лирические сети, и я до сих пор не могу до конца объяснить, что именно меня тогда насторожило. Наверно, именно их приветливость – что-то в ней проглядывало не совсем человеческое.

За два года самостоятельных крымских путешествий и жизни в подобных лагерях я успел стать свидетелем множества бытовых разборок и конфликтов, которые всегда случаются между людьми, живущими на общей территории.

Здесь же ничего подобного не происходило – или, по крайней мере, казалось.

Однако отстранённое поведение двух парней на фоне их подруг выглядело странным, поэтому я решил заговорить с одним из них и попытаться его расспросить.

Я подошёл к костру, где сидел сейчас только один из них и начал с дежурной фразы:

– Как же у вас здесь хорошо...

Парень молча бросал в костёр хворост.

– А давно вы тут? – поинтересовался я.

Тогда он повернул ко мне голову.

– Кто-то давно, а кто-то не очень, – проговорил он и добавил ещё тише, – Уходите отсюда, пока ещё не поздно.

– Прости, что? – удивлённо переспросил я.

– Бегите быстрее... – сказал он, переворачивая горящие в огне ветки, – Ещё успеете...

Ноги у меня подкосились, но я, стараясь выглядеть непринуждённо, прошёл в сторону пляжа, где Илюша в окружении девушек рассказывал, как он устроил концерт в Симеизе. Его внимательно слушали, и ему это льстило.

– О, – сказал он, увидев меня, – Пошли, отольём!

И тут же добавил, обращаясь к девушкам:

– Одну секунду, я мигом.

Мы дошли до кустов в стороне от обжитого пространства и занялись своим делом.

– Ну как, тебя торкает? – поинтересовался я.

– Да вроде нет пока.

– Меня тоже. И знаешь, пора отсюда сваливать, пока нас не накрыло.

– С чего это ты на измену сел?

– Не знаю, зачем эта Ариша нас сюда привела, но я хотел поговорить с тем чуваком, а он только мне и ответил, типа уходите, пока не поздно.

– Да этот пень просто нас приревновал! Зато девочки нам рады... да ты не ссы, всё нормально!

Последняя его фраза прозвучала весьма нелепо, потому что именно этим мы сейчас и занимались.

– Уж слишком они рады, это истораживает!

– Какой-то ты, Федь, бзделоватый! – Илюша застегнул ширинку и быстро ушёл.

На пляже он продолжил развлекать барышень своими баснями, а мне было уже не до шуток. Я прогуливался и делал вид, что восторгаюсь окружавшим меня пейзажем, а сам высматривал пути отступления. Понимая, что бежать *Их* дорогой – бессмысленно, они в два счёта её перекроют, а других путей мы не знаем. Впрочем, один вариант всё-таки намечался.

Когда луна ещё не взошла так высоко, как сейчас, я, по своей походной привычке, обратил внимание на остатки тропы на склоне обрыва. Сейчас она была завалена камнепадом, но и по этим камням, при желании, можно отсюда выбраться и, что самое важное – теперь это место было погружено в тень.

От раздумий меня отвлекла Ариша, которая, к тому времени, уже воспринимала меня чуть ли не как своего любовника.

– Пойдём, я покажу тебе свою палатку, – она взяла меня за руку, и повела к одной из них, откинула полог и увлекла внутрь.

Там нас встретила мягкая и душная тьма.

– Здесь мы будем с тобой ночевать, – шептала она, прижавшись ко мне.

Я чувствовал её дыхание, но оно было до странности замедленным, как у спящего хищного существа.

– Так что у вас сегодня за праздник? – спросил я.

– Наш праздник! – Ариша засмеялась, взяла меня руками за плечи и мягко надавила указательными пальцами куда-то в низ моей шеи.

И тогда произошло нечто неуловимое. Быстрое ощущение, словно я падал в яму, а потом опять стою на ногах, слегка пошатнувшись, как после удара о землю.

– А ты стойкий мальчик, – шепнула она.

Уже ни о чём не думая, я попытался полностью раздеться, но она остановила меня движением рук.

– Подожди, это потом, сначала мы должны танцевать.

Я вышел из палатки вслед за Аришей и на воздухе мои мысли вновь обрели прежнюю тревожную ясность.

Кто эти люди? Может какая-то языческая секта и они собираются принести нас в жертву, выбрав подходящую ночь для своего ритуала? А ведь скоро нас торкнет молочко и мы уже будем мало на что способны.

Мне надо было снова поговорить с Илюшей и попытаться его убедить, но, к счастью, он нашёл меня первым и теперь сам был встревожен.

– Знаешь, Федя, что-то здесь не то... Такое впечатление, будто у них своих мыслей нет никаких... Я Лане что-то говорю, а она так отвечает... будто слова мои отражает и всё!

И ей вопросы разные задаю, а она только улыбается и молчит... Ты, блин, прав, давай, на хрен, свалим, что-то мне стало не по себе!

«Дошло, наконец!» – подумал я, отвернулся от него, а потом тихо, но внятно проговорил:

– Я иду первый. Ты минут через пять. Дальняя палатка слева, встречаемся за ней... и не одевайся при них, понял?

В ответ Илюша демонстративно захохотал, будто я сказал ему нечто смешное и побежал к девушкам, а я двинулся за ним, подобрав по пути свою сумку, где были наши паспорта, билеты и подаренный мамой четвертак.

Заметив, что на меня никто не смотрит, я метнулся за кедами и одеждой, спрятался за деревом и, пройдя в его тени, очутился за палатками. Там я нацепил шорты, зашнуровал обувь и прошмыгнул к месту нашей встречи.

Лёг на землю и принялся наблюдать за происходящем на пляже.

– Илюша, у нас всё готово, – говорила девушка, что представилась Кирой, – Теперь мы хотим танцевать для вас. Только где твой друг?

– Не знаю, может, пописать отошёл?

– Что-то его долго нет...

– А вдруг его накрывает уже молочко? – забеспокоился Илья, – Значит, он куда-нибудь прилёт на звёзды посмотреть, сейчас я его найду.

Илюша хорошо играл свою роль – он пошёл в противоположную от меня сторону, незаметным жестом подхватил лежащие у костра свои кеды, забрался в какие-то кусты, зашнуровал обувь, а уже оттуда быстро пробежал за палатками в мою сторону.

– Ты сумку взял? – бросил он первым делом, а когда удостоверился, что всё в порядке, выглянул из-за палатки, – Тогда погнались!

Мы пересекли освещённую луной поляну за палатками и, не сбавляя скорости, понеслись по заброшенной тропе. Нам надо было как можно скорее уйти в спасительную тень под обрывом, а в тот момент, когда до неё оставалась пара метров, я не выдержал и обернулся назад.

Там, на пляже, четыре обнажённые девушки, повернувшись спинами к морю, неподвижно застыли полукругом, и каждая сосредоточилась, глядя в свою сторону, словно они разбили берег на сектора и высматривали нас.

И так получилось, что мы проскочили на границе между зонами наблюдений Ариши и Ланы, поэтому они нас и не заметили.

Но вот сидящий у костра парень, тот самый, что посоветовал убежать отсюда, уставился прямо в мои глаза, а на его лице блуждала торжествующая усмешка.

Ворвавшись в тень, мы словно ослепли, схватившись друг за друга и едва не упав. Потом Илюша держался за мою сумку, а я, нелепо задирая ноги, чтобы не ушибить их о камни, нашёл песчаную стену обрыва, и мы побрели вдоль неё, как двое возбуждённых инвалидов с неостывшим сексуальным желанием.

На мгновение я даже устыдился нашего позорного бегства, решив, что тот чувак с пляжа просто припугнул меня, решив избавиться от нас, как от лишних самцов. Но всё-таки интуиция подсказывала мне, что наши опасения не напрасны.

Пробираться приходилось на ощупь, ведя правой рукой по песчаной стене обрыва, а левую выставив перед собой. Когда я наткнулся на валуны, то заверил Илюшу, что видел это место при всходящей луне и туда реально залезть. Немного повозившись у подножья, мы принялись вслепую карабкаться вверх, пробуя на устойчивость каждый новый камень.

Двигались мы медленно, но уверенно и спокойно. И не оборачивались назад, поэтому наши глаза немного привыкли, тьма уже не казалось абсолютной, в ней можно было разглядеть очертания обломков и вытянутую перед лицом руку.

Когда с момента нашего исчезновения прошло минут двадцать, я подумал, что нас, видимо, уже хватились, но только почему они молчат, не смеются и не зовут нас, они ведь такие шумные?

И действительно, из бухты под нами не доносилось никаких голосов, кроме шума прибоя и в этом молчании мне чудилось подтверждение всех своих опасений. Мы карабкались вверх по камням, звуки моря становились всё тише, вокруг теперь слышалось только наше сопение. В бархатной темноте сложно было понять, на сколько сильно мы поднялись, и сколько ещё осталось. Поэтому в какой-то момент мы оба остановились перевести дух и посмотрели вниз.

... Залитая лунным светом Бухта сияла, как у нас на ладони и там не было никого. У деревьев, где стояли палатки девушек, находились теперь равные им по размерам камни, на месте костра поблёскивала залитая водой яма – просто безлюдный дикий пляж, маленький и труднодоступный, один из многих на Южном Берегу.

И увиденное наполнило нас таким тёмным, первобытным страхом, что мы собрали все силы и припустились вверх, а отдышались только когда выбрались на пологую местность.

Теперь надо было осмотреться и понять, куда идти дальше, чтобы отыскать хоть какую-то дорогу, способную вывести нас на шоссе Ялта-Севастополь.

Но тут нас накрыло молочко.

Это напоминало вспышку и возникшую в ней статичную картину. Она была неподвижна, но в то же время описывала всю последовательность событий нашего любовного приключения.

Возможно, это выглядело, как разделённая на отдельные сцены страница комикса, как кинораскадровка или древнеегипетская фреска – всё произошло очень быстро, и моя единственная мысль была: «Господи! Как же хорошо, что мы успели оттуда выбраться!»

Мы посмотрели друг на друга и поняли, что думаем об одном и том же. И тогда мы в унисон громко заорали: «А-а-а!» В этом крике из нас выходил весь накопившийся ужас перед ситуацией, в которую мы попали и только сейчас по-настоящему осознали.

Мы попытались это обсудить, но под действием каннабиола было уже трудно удерживать в голове одну фразу, которую ещё только стоило произнести вслух; они расслаивались и накачивались волнами, очень быстро сменяя друг друга.

– Ты хоть понял, кто они такие?! – прошептал Илюша.

– Я не знаю!

– Что им хотелось? Они бы нас утопили?!

– Может просто оставили у себя...

– Где?!

– На изнанке...

– Ты понимаешь? Да нам писец едва не наступил! Это же... Это как... – но Илюша так и не смог найти слов.

Он как-то быстро задышал и стал оседать, я едва успел его подхватить.

– Пошли, нам нельзя стоять, надо идти на дорогу!

– Федя, я не могу... Я не знаю, как мне идти... – пролепетал Илья и я понял, что он растерян ещё больше, чем я.

Мне пришлось просунуть свои плечи ему под руку и обхватить за пояс – так я хоть как-то мог его удержать. Это напомнило мне сцены из многочисленных военных фильмов, где красноармеец отказывается оставить в лесу своего раненного товарища и несёт его на себе, спасая от нагоняющих их фашистов.

И тогда я вдруг понял, что надо делать.

– Слушай меня! – гаркнул я ему ухо, отчего он вздрогнул и встрепенулся, – С левой ноги, шагом марш! Раз-два! Раз-два!

И это сработало. В советской школе нас с октябрятского возраста заставляли ходить строевым шагом, всякие гадские «смотры строя» устраивали у нас чуть ли не каждую четверть, два

раза моя пятьсот сороковая школа была на «военном положении» – это мы так готовились к войне с Рейганом в Советском Союзе времён Андропова – если кто не помнит; да и уроки по «Начальной Военной Подготовке» были ох как ещё свежи в нашей памяти. Поэтому Илюша сразу откликнулся на заданный мною ритм, пару раз пошатнулся, но потом всё более уверенно зашагал вперёд. Вскоре я перестал считать вслух – в нашем сознании, отбивая такты, уже заработал внутренний метроном, и шли мы так быстро, насколько позволяло наше состояние.

Теперь ноги несли нас сами, но что-то странное происходило со зрением – на его периферии постоянно присутствовало какое-то движение – вся природа казалась ожившей и мы больше не решались оглядываться назад. Незнакомая местность виделась поначалу ровной, а вблизи вдруг становилась бугристой и рыхлой, словно эти преграды выросли из земли прямо перед тобой. Казалось, что какое-то злое и опасное существо затаилось в ожидании, чтобы понять, когда мы, наконец, ошибёмся, собьёмся с пути и станем его добычей.

Пару раз у меня неожиданно включалась звуковая память недавнего прошлого – шум моря и девичий смех. Я внутренне содрогался, стискивал зубы, но желание вырваться и покинуть эту чуждую для нас нечеловеческую территорию только предавало мне сил.

Наконец мы увидели бликующие на далёких скалах лучи фар едущей на запад машины.

Взяв эту точку за ориентир, мы стали просто двигаться в её сторону и, полностью утратив ощущение времени, в какой-то момент выбрались на шоссе.

Но что было делать дальше – непонятно. Как-то собрав мысли, я вспомнил, что кроме подаренных мамой двадцати пяти рублей других денег у нас нет – мы всё выгребли, расплачиваясь за проезд до страны чудес, из которой едва смогли выбраться.

Ночью на шоссе опасно светить такими деньгами, а бесплатно нас никто отсюда не повежёт. Поэтому есть два варианта: либо попытаться устроиться прямо здесь, чтобы переждать ночь, либо идти по трассе в сторону Симеиза.

– Конечно, идти! – закричал в ответ Илюша так громко, словно получил контузию, – Не надо тут оставаться!

Впрочем, контужены мы были оба. Я пытался себе представить, чтобы произошло, если б мы не сбежали, а валялись сейчас на том уютном пляжике, рядом с обступившими нас четырьмя существами... и от таких мыслей я проваливался тёмную и жаркую невесомость.

Два раза перед нами тормозили машины, но мы сами, видимо, казались другим людям настолько страшными, а речь наша сбивчива и сумбурна, что они сразу же уезжали.

Впрочем, идти по шоссе было даже приятно, оно представлялось мне безопасной транспортно-лентой, а вот по сторонам от него что-то постоянно двигалось и шуршало, словно выжидая момент, когда мы окончательно расслабимся и сделаем роковой шаг в сторону. Я даже серьёзно задумался о том, способны ли мои мысли материализоваться, но здраво рассудил, что тогда бы любой наркоман мог бы погрузить мир в хаос собственного кошмара.

А потом Илюша молча дотронулся до моего плеча, указывая на что-то слева от себя, я повернулся и заметил широкую полосу света. Казалось, что она проявляется прямо на глазах – линия горизонта над морем, где должно взойти солнце.

И когда мы поняли, что ночь кончилась, то сели прямо у дороги. Попытались что-то сказать друг другу, но не смогли, потому что едва шевелили языками – у нас ведь и воды даже не было!

Мы сидели на камне, и чем светлее становилось вокруг, тем меньше мыслей оставалось у нас в головах, пока все они не исчезли.

Кажется, я уснул, потому что встрепенулся от странных звуков, какого-то стального цоканья и скрипа, этот шум настойчиво приближался из-за поворота, а потом мы увидели запряжённую в повозку лошадь и управлявшего ей бородатого мужика. Это был крымский татарин, ехавший куда-то в сторону Фороса. Он сам вызвался подвести нас и даже угостил яблоками.

Мы поблагодарили его, когда он высадил нас на верхней дороге над заповедником и с трудом добрали оттуда до нашего лагеря. Там мы напились воды и завалились на свои спальные, а друзьям сказали, что просто опоздали на автобус и добирались ночью на перекладных. И никто из нас никогда никому не рассказывал эту историю.

Эрмитаж

То странное лето девяносто второго года я помню уже совсем смутно.

Мы с Илюшей работали продавцами книг в длинном подземном переходе на Китай-городе и поступали на философский факультет МГУ. Оба понимали, что шансов у нас практически никаких, стоило лишь взглянуть на табуны отличниц, золотых медалисток и упёртых ботанов, которые весь год что-то зубрили, но для себя мы решили, что опыт абитуриентства нам не помешает. Тем более, где ещё знакомится с умными и красивыми девушками, как не при поступлении в Университет?

Тогда мы и подружились с сёстрами-близнецами Любой и Надей, лихими выпускницами гуманитарного лица, которые читали нам стихи Луи Арагона на языке оригинала и умели пить шампанское прямо из горлышка.

В самом начале лета мы планировали заработать денег и устроить в Симеизе уже настоящий музыкальный фестиваль со своей базой и приглашёнными группами, но новости из Крыма были одна хуже другой: Одного известного организатора концертов кинула на деньги местная мафия, так же в разных местах гопники избивали не только неформалов, но и обычных отдыхающих, а украинская милиция не уступала им по свирепости и вымогала деньги у кого только можно.

Поэтому Илюша решил сделать что-то в Москве, но перед этим съездить в Питер, чтобы посмотреть, как обстоят дела там и набраться опыта.

В Петербурге мы первый раз попробовали кислоту, после чего я вернулся домой, а Илюша встретил девушку и остался там до января.

А самым запомнившимся для меня событием лета стало не знаменитое «Гагарин-пати», про которое я слишком поздно узнал и не попал, а Булгаковский Бал в саду «Эрмитаж» – первая вечеринка, где я увидел по-настоящему богатых людей.

В тот вечер мы гуляли по бульварам и уже тогда заметили, что в окрестностях Каретного Ряда намечается нечто грандиозное – у входа собирались нарядно одетые мужчины и женщины в платьях, а в самом парке надувался настоящий воздушный шар, как в фильмах по Жюльо Верну.

Пройдя по задворкам, мы с Илюшей забрались на старую кирпичную стену, отделявшую сад от жилых домов, дождались темноты, наблюдая за перемещениями охраны, и в нужный момент спрыгнули вниз, сразу смешавшись с толпой.

Так мы, как сироты из святочного рождественского рассказа, оказались на чужом празднике, который журналисты «Московского Комсомольца» окрестили потом «Балом Сатаны».

Впрочем, ничего сатанинского, кроме отсылки к Булгакову, там не происходило. Просто одни люди бесцельно шатались по парку, пытаясь представить это светским променадом, и внимательно сканировали друг друга, прикидывая стоимость чужого внешнего и внутреннего капитала. Иные хохотали, обливаясь шампанским, и веселились, кто как умеет, а некий ценитель красивой жизни блевал прямо из гондолы висящего над парком воздушного шара, но в целом всё происходило относительно прилично. Возможно потому, что это всё-таки была вечеринка для тех, кто позволил себе купить дорогой билет и старался соответствовать своему новому положению в обществе.

Поначалу мы чувствовали себя зажато, но потом встретили знакомых, которые пробрались сюда примерно таким же образом и они показали нам один трюк: подвели к веранде закрытого шторами ресторана, просунули туда руку с пустым пластиковым стаканом и попросили

налить чего-нибудь выпить. За шторами раздался смех и вскоре в руках наших товарищей оказался стакан вина, который они распили на четверых.

Затем за дело принялись мы, а точнее я, потому что Илюша сам просить стеснялся, но выпить нам было просто необходимо. И не смотря на то, что какие-то деньги у нас с собой и были, здесь они совсем ничего не стоили.

Я подобрал на лавочке несколько пустых стаканов, выбрал из них самый чистый, прошёл в другой конец веранды, набрался решимости и просунул руку между натянутыми белыми полотнами.

Возможно, я сделал это слишком резко, потому что услышал испуганное женское аханье. Затем кто-то отогнул штору, и передо мной возникло лицо мужчины с аккуратно подстриженной бородкой, которое показалось мне смутно знакомым. А он, в свою очередь, взглянул на меня и увидел перед собой невысокого кудрявого мальчика с виноватой улыбкой.

– Извините, – сказал я, – Пожалуйста, плесните мне немного выпить, а то очень хочется...

Тот удивился, бросил взгляд на стол и налил мне шампанского.

Я сказал «спасибо» и хотел, было, убрать руку, но он жестом попросил меня подождать и неожиданно плеснул в стакан щедрую порцию водки. «Это коктейль Северное Сияние, – объяснил мне мужчина, которого я явно видел по телевизору, – Чтоб уж наверняка!»

Мы с Илюшей выпили этот стакан на двоих и тогда, наконец, ощутили себя участниками представления.

Огни стали ярче, музыка громче и всё происходящее больше не казалось каким-то бредовым.

Мы пообщались с живущей в сквоте у Петлюры Пани Брони – жизнерадостной бабушкой, которая спела нам про попугая, сидящего на плече у шарманщика и вытягивающего билетики счастья.

Красивых девушек здесь хватало, но те из них, что явились сюда без мужчин, сами искали себе солидных спутников и общество таких персонажей, как мы, их не устраивало.

Потом мы опять встретили товарищей, научивших нас этому фокусу. К тому времени они были уже пьяны, а посетители ресторана отдали им примерно третью часть небольшого поросёнка на блюде. У него была полностью цела голова, но выглядел он совсем не страшным, а каким-то усталым.

С этим поросёнком мы принялись ходить по парку, а когда встречали каких-нибудь известных людей – а их там было много – то пытались этим поросёнком их угостить. Все, разумеется, отказывались, а музыкант знаменитой тогда группы «Технология» сказал, что у него изжога и отдал нам бутылку джина, где ещё оставалось грамм сто пятьдесят.

Тогда голова поросёнка была превращена в арт-объект и оставлена на постаменте фонарного столба. В назидание гуляющим мимо людям она – по замыслу авторов, должна была олицетворять человеческую похоть и чревоугодие.

А на самом пике опьянения, в попытке отыскать туалет, я обнаружил на задворках сада странную будку с задёрнутым шторой входом и указал на неё Илюше.

– Смотри, это что, камера обскура?

Мы подошли ближе и увидели хозяина этого аттракциона – человека с набелённым лицом, во фраке и цилиндре, взятом, судя по всему, из костюмерной театра «Сфера».

– Здравствуйте, – сказали мы, – А что вы тут устраиваете? Представление?

Он смерил нас оценивающим взглядом и слегка улыбнулся, но улыбка эта была не данью вежливости, а какого-то сочувствия.

Других людей поблизости не было и вообще мне показалось странным, зачем он поставил свою конуру на самом отшибе, но, возможно, в этом и заключалась часть его замысла.

– Можно сказать и так, – ответил человек, – Но только для одного зрителя.

Возможно, мы его чем-то заинтересовали, потому что после небольшой паузы он продолжил.

– Это машина различий, моё изобретение. Я назвал её так в честь Чарльза Бэббиджа, но считают на ней не математику, а метафизику. Она показывает людям картины – преимущественно те, которые они мечтают увидеть. За это они мне и платят.

– Это как цыганкам с картами, что ли? – усмехнулся я.

Он посмотрел мне в глаза, и я понял, что этот усталый актёр, так же, как и мы, сильно нетрезв, но уверенно держится на ногах благодаря профессиональной привычке.

– Я не гадалка, мальчик, – проговорил он, – Всё гораздо сложнее.

– А можно на неё посмотреть?

– Я дорого беру за вход... Но, знаете, чтобы она правильно работала, надо, чтоб кто-то её подпитывал, а такие молодые люди, как вы, вполне могут подойти мне в качестве аккумулятора...

– А, так вы актёр в роли сумасшедшего изобретателя! – догадался Илюша.

Ряженный усмехнулся.

– Давайте так – вы либо принимаете правила игры, либо нет. Сегодня через неё, – он указал в сторону будки, – Прошло слишком много людей с запоротой кармой, и она от них устала. А вы, я вижу, чистые юноши, пока ещё не успели ничего натворить. Поэтому если вы заплатите мне одним своим воспоминанием, каким-нибудь счастливым детским событием из вашей жизни, просто вспомнив о нём, то я загружу их в машину, а потом включу её для вас поработать.

– Но это действительно того стоит?

Фокусник пожал плечами.

– Если у нас равнозначная сделка, то я вас муржить не собираюсь. Вы покажете мне ваше прошлое, а я вам – возможное будущее.

– Ой, только не надо тут волшебника из себя строить! – усмехнулся Илюша.

– Как хотите, – и оператор машины сделал вид, что теряет к нам интерес.

– А я согласен!

Он совсем не удивился и откинул передо мной штору.

– Тогда заходи.

Я пробрался в кабину и заметил, что она очень похожа на фотокомнату конца семидесятых годов – маленькое закрытое пространство с направленным на тебя объективом. У меня осталось воспоминание, что лет в пять в подобном месте делали мой фотопортрет, а моя трёхлетняя подруга испугалась фотографа и «на карточке» – так ещё назывались тогда фотографии, получилась заплаканной.

Сейчас я, в отличие от неё, фотографа не боялся, но немного удивился, когда этот человек протянул мне обычную строительную каску, из макушки которой выходил обмотанный изоляцией провод, ведущий к аппарату, похожему на те, что используются для звукозаписи в музыкальных студиях.

– Надень на голову шлем, он свяжет тебя с машиной.

– И что мне дальше делать? – поинтересовался я, нацепив каску.

– Просто вспоминать.

Он вышел, и свет в кабине погас.

Под мерное гудение механизма я, поначалу, просто сидел на стуле и покачивался на волнах опьянения, а потом вдруг неожиданно ощутил себя в некоем подобие библиотеки, которая, видимо, всегда существовала у меня в сознании. Там, на нижней полке, в виде объёмных голографических открыток, стояли мои детские воспоминания.

И самые первые из них оказались связаны со сквером на Серпуховском Валу.

Когда-то это была насыпь, за которой заканчивалась граница города и по обеим сторонам от неё сторожевыми крепостями стояли Донской и Даниловский монастыри, а позже Вал превратился в подобие бульвара. Ветви деревьев, сходясь наверху, образовывали нечто вроде зелёной арки длиной в километр. С самого глубокого детства я смотрел в её далёкую перспективу, и она приучала меня к ощущению бескрайности мира, поэтому впоследствии я стал называть это место Первосквер.

... И вот мне три года, кажется, стоит лето, потому что на мне только шорты и маечка, мы с бабушкой идём по скверу, но она почему-то всё время держит меня за руку и мне это не нравится. Гулять так совсем не интересно, ведь я хочу сам всё исследовать, поэтому, выждав подходящий момент, я высвобождаю руку и что есть мочи несусь вперёд.

Бабушка не может меня догнать и что-то кричит вслед, я оборачиваюсь и вижу её далеко позади, она кажется совсем маленькой; я уже ничего не слышу и бегу дальше, под аккомпанемент звенящих трамваев, с их рогов сыплют разноцветные искры, и всё новые и новые арочные своды огромных деревьев расступаются надо мной.

А потом я опять оглядываюсь назад, чего, конечно, не стоило бы делать, но в то время я ещё не знал истории Орфея и жены Лота, поэтому поскальзываюсь и со всего размаха падаю в подсыхающую лужу, состоящую целиком из грязи.

Когда бабушка ведёт меня домой, мне очень стыдно, потому что я весь перемазан какой-то чёрной дрянью со дна лужи, прохожие бросают на меня удивлённые взгляды, а бабушка обещает рассказать о моём позоре не только папе и маме, а ещё и язвительной тёте и ехидному дяде, которые и так постоянно меня подкалывают.

– Готово! – раздался вдруг голос над моим ухом, и я встрепенулся, забыв на мгновение, где нахожусь.

Надо мной загорелась лампочка, а рядом стоял хозяин аттракциона. Он был теперь бодр и доволен, словно сам проглотил моё прошлое, и оно предало ему сил.

– А теперь уступи место своему другу.

– Так, подождите, а как же вторая часть нашего соглашения?

– Ах да, – человек лукаво улыбнулся, – Только имей в виду, что по условиям нашей сделки я не покажу тебе, как всем остальным, то, чего ты желаешь увидеть. Я просто запускаю машину.

– Ну, хорошо, – ответил я, и Ряженный снова задернул шторы.

Видимо, он что-то переключил на наружной стороне будки, потому что лампочка начала гаснуть и снова включаться. Сначала через небольшую паузу, а потом ускорилась и замигала, как на дискотеке, не хватало только других звуков, кроме уже привычного шума, а когда её свет вдруг погас, я увидел не просто яркие пятна на сетчатке глаза, а совершенно ясную, составленную из них картину.

На ней я увидел человека, сильно похожего на меня, только не кудрявого, а уже лысого. И он был заперт в тесном помещении, которое отчасти напоминало библиотеку моего прошлого, но всё же сильно от неё отличалось.

Мой повзрослевший и полысевший двойник сидел на полу, прислонившись спиной к каким-то стеллажам, уставленным разными фигурами. Эти стеллажи занимали почти всё пространство комнаты, а стоящие на них объекты хоть и не казались пугающими, но таили в себе некую угрозу. Казалось, что через секунду эти фигуры оживут и набросятся на сидящего на полу, который, судя по всему, пребывал в бессознательном состоянии. Я знал это потому, что хоть и не отождествлял себя с ним, но я всё же ощущал между нами некую связь.

Яркий свет ударил мне по глазам. Я зажмурился и быстро вышел наружу, где по-прежнему была ночь, и я пытался что-то разглядеть в свете далёких фонарей.

– Ну, как? – спросил меня Илюша.

– Не знаю...

Мне было трудно что-то сейчас объяснять, поэтому я просто отошёл в сторону, а мой друг надел на голову каску с проводом и зашёл в будку.

Служитель машины принялся что-то подкручивать, а я, тем временем, пытался поразмышлять над увиденным. Как-то мне показали фотографию меня спящего, и я почему-то с трудом самого себя в ней узнал. Сейчас же была какая-то подобная ситуация, похожая на увиденный сон и поэтому недостоверная. Здесь можно вспомнить и всякие псевдомистические откровения, о том, как душа покидает тело и видит со стороны мир, а так же свою брошенную физическую оболочку. И ещё. Меня не покидало ощущение, что во всём этом сквозит какая-то чертовщина. Только не опереточная, как в остальных декорациях Булгаковского бала, а самая настоящая.

Потом Илюша вышел из будки.

Его лицо было таким, словно он постарался заранее убрать и спрятать с него все эмоции.

– Пойдём отсюда, – только и сказал он, даже не обернувшись на Ряженого во фраке.

И принялся уходить.

Я замешкался, не зная, стоит ли мне попрощаться с этим человеком, но тоже решил промолчать, тем более, что он сам уже не смотрел на нас, сделав вид, будто занят. Впрочем, в последний момент он всё-таки на нас оглянулся.

– Ну как, вы довольны? – поинтересовался он.

Оба мы промолчали.

– Какие-то несчастливые у вас воспоминания... – бросил нам вслед Оператор машины.

– А чего вы хотели? – хмуро ответил Илюша, – Мы ведь обычные советские дети...

И мы двинулись в сторону горящих огней и продолжавшей веселье публики.

Но теперь вид разгорячённых алкоголем людей явно нас угнетал, мы прошли парк, нашли пустую скамейку, и Илюша заговорил первым.

– Представляешь, а я ведь сам забыл об этом, как в семь лет пожар в квартире устроил... Если бы сестра не пришла, всё бы на хрен сгорело! И зачем это всплыло...

– Ладно, ну а что потом? Какую картину он тебе показал?

Илюша вдруг улыбнулся.

– Остров. Я видел тропический остров... Как в «Клубе Кинопутешественников» по телевизору. И я знал, что это мой остров, я там живу... И мне вот подумалось – хорошее это место, чтобы там остаться... Жить, а потом и умереть. Не сейчас, конечно, а когда всё в жизни испытаеть.

– Типа в старости?

– Да зачем её ждать. Нет, пораньше, лет в сорок...

В то время груз возраста представлялся нам чем-то тягостным, а взрослые в большинстве своём казались занудами – в эпоху перемен одни из них ныли о том, как всё стало плохо, а другие мутировали в безжалостных хищников, поэтому становиться такими же, как они, мне совсем не хотелось. Я знал, что в 2000 году мне исполнится 26, но это было совсем далёкое будущее, а сорок лет представлялись и вовсе недостижимой датой, за которой закономерно следует старость и смерть.

И я на много лет забыл эту Илюшину фразу, до тех пор, пока она сама не всплыла, как обломок доски с названием затонувшего корабля, выброшенный после шторма на песок того самого острова.

– А как думаешь, это всё-таки может иметь к нам какое-то отношение? – спросил я своего друга, после того, как рассказал про падение в лужу и видение странной комнаты.

– Да я вообще хрен знаю, как он всё это проделал!

– Может, мы были под гипнозом? Там лампочка мигала, – предположил я.

– Может быть. Но только знаешь, что я тебе скажу: Это были просто потоки нашего подсознания и не надо к этому так серьёзно относиться и искать мистику там, где её нет!

На том мы и порешили, не придав особенного значения этому происшествию, эху настолько отдалённых от нас событий, что произойдут только через двадцать с небольшим лет.

И я больше никогда не встречал того ряженного человека и понятия не имею, что это была за машина.

... Уже в конце короткой июньской ночи случилось так, что самая интеллигентная часть из оставшейся публики собралась на задворках сада, у большого костра, где пели цыгане. Царила тут какая-то душевная «походная» атмосфера, все знакомились и делились опытом своих первых заграничных путешествий. Помню, что я тогда только прочитал в «Юности» «Аполлона Безобразова» Бориса Поплавского и запальчиво говорил, что хочу побывать на Монпарнасе. А двадцатипятилетний юноша в очках, обнимавший очень красивую спутницу, сказал мне, что уже был там и не увидел ничего, кроме стай проституток – видимо, Муза уже покинула этот город. Все, кто творили там, уже умерли.

Перед рассветом мы тоже покинули «Эрмитаж» и Москва в то утро казалась вымершей, как после нейтронного взрыва. Но именно в эти дни, тем летом, за плоскими декорациями города бурлила жизнь. Это было время больших надежд, головокружения от успехов и наркотического опьянения заработанных денег.

Мы зашли в пустое метро, даже не заплатив за вход, а просто отжав турникеты. На станции кроме нас никого не было. Когда подъехал первый поезд, мы попросили машинистов прокатить нас одну остановку в кабине. Они неожиданно быстро согласились, и мы промчались с ними по туннелю между Чеховской и Боровицкой.

Это напоминало фрагмент из фантастического фильма, когда герои проходят через «червоточину», связывающую самые удалённые места во вселенной. Мы пронизывали пространство и время по пути в наше будущее, которое представлялось нам многообещающим и полным разных возможностей.

– Знаешь, что я подумал, – сказал Илья после того, как мы вышли из кабины водителей поезда и теперь стояли на станции, но не спешили расходиться по домам, – Надо заниматься таким делом, чтобы давать людям то, чего они хотят. Помнишь мои прошлогодние задумки с коммуной? Сейчас это кажется таким бредом. Но потом мы устроили концерт и вот сейчас попали на этот праздник... Короче, люди работают, а потом хотят приятно себя чувствовать, и если ты дашь им это ощущение, чтобы им было хорошо, то они готовы за это платить. Надо только понять, что именно для них устроить.

– Илья, а я вот, год спустя, решил, что идея поселения хороша в том смысле, что само поселение надо устраивать не где-то в жопе мира, в деревне без электричества, а здесь, в центре Москвы. Знаешь, в чём проблема наших родителей? Они всегда разделяли свою жизнь и свою работу, а сейчас совсем другое время и надо просто найти занятие, которое понравится не только тебе, но и другим людям, тогда это принесёт много денег!

– Но ведь работа и развлечения несовместимы, это ещё древние греки понимали.

– Да можно просто эти развлечения там, на месте, и делать, как в 20-е годы в «Баухаусе» говорили, что нужно производить само искусство!

Илья на мгновение опустил голову, задумавшись, а потом опять посмотрел на меня.

– Знаешь, это действительно интересно, но только пока мы всё это обсуждаем, кто-то наверняка уже что-то подобное делает. Идеи – они ведь носятся в воздухе... А это значит – надо ехать в Питер! Ветер дует пока оттуда!

Неоконченное путешествие

В самом конце девяносто второго я чуть не загремел в армию, успешно пройдя комиссию в военкомате, но всё-таки получил от частной клиники маминых знакомых направление в психдиспансер, а оттуда – в Кащенскую больницу.

Провёл я там всего десять дней и меня даже отпустили домой на выходные. В конце декабря для самых нормальных посетителей психбольницы устроили концерт в старом здании клуба, переделанного из бывшей церкви, где пациенты исполняли номера с песнями, танцами и комедийными монологами, а потом мы водили хоровод вокруг пахнувшей лесом ёлки.

Вернулся я в подавленном состоянии, встретил новый год со случайными знакомыми, а девушка, в которую – как мне тогда казалось – я был влюблён, встреч со мной избегала.

В январе Илюша окончательно расстался со своей петербургской подругой и приехал в Москву. То, что произошло тогда в Питере, мы не обсуждали. Оба мы были опустошены, но в то же время не собирались сидеть, сложа руки. Илюша рассказал мне о том, как он участвовал в организации техно-пати в большой выселенной квартире и принялся искать сквот для подобного места в Москве.

В то время у нас уже прошли первые вечеринки в клубе «Джамп» и «Эрмитаж», многие поняли, что пришло время новой музыки, но продвигалась она с трудом. Бандиты тогда ещё не ели кислоту и не слушали хаус, поэтому могли запросто подойти к диджею во время сета и, приставив к его виску пистолет, попросить поставить что-нибудь «более танцевальное». Да и клубов самих практически не было, так, два-три места на весь большой город, в рестораны тогда ходили только бандиты, а обычные люди выпивали в гостях друг у друга.

Мы по-прежнему продавали книги в депрессивной кишке продуваемого всеми ветрами перехода на Китай-городе, а вечерами, закончив работу, обходили плохо освещённые районы в пределах Садового Кольца и искали выселенные дома.

В некоторые из них мы легко проникали, обнаруживая печальные следы остатков чужой жизнедеятельности и вандализма, а один раз нам даже пришлось спастись бегством, застав приготовление ритуала какой-то мрачной сатанинской секты.

Центр Москвы тогда казался нам поселением, возникшем на месте крушения целого флота кораблей, где уцелевшие в катастрофе люди принялись обустроиваться, используя все остатки былого великолепия, выброшенные штормом на берег.

– Надо просто найти хороший сквот, врезать на дверь свой замок, а потом уже идти договариваться в ЖЭК, написав бумагу, что мы хотим там открыть свой дом творчества, – говорил мне Илюша, – Надо как у Петлюры всё провернуть.

Петлюру тогда уважали, у него во дворе собирались молодые снобы в обносках из секонд-хэндов, но в то время это выглядело стильно. К нам эти люди относились снисходительно, как к детям, поэтому Илюше важно было устроить собственное место.

Квартиру в доме на Ордынке мы нашли в марте.

Илюша быстро зарегистрировал её как некоммерческое творческое объединение – кажется, так это тогда называлось.

Сначала мы позвали туда наших друзей, чтобы разгрести и выкинуть огромное количество мусора, но всё это вылилось в неконтролируемую пьянку с какими-то случайными людьми, знакомыми чужих знакомых – их потом пришлось реально выставлять за шиворот из этого тёплого места.

Поэтому потом мы всё делали сами, а помогать нам приходили только самые ответственные подруги. Так, днём мы продавали книги, а вечером красили двери и клеили обои, часто

оставаясь там ночевать. Два хмурых алкаша из местного ЖЭКа исправили нам канализацию, а за электричество мы заплатили на пол года вперёд. Работники жилищной конторы поначалу отнеслись к нам с подозрением и три раза к нам неожиданно приходила одна суровая тётка – чисто посмотреть, что происходит, но увидев плоды нашего труда, прониклась к нам уважением.

Параллельно Илюша готовился к поступлению в РГГУ, а я собирался подавать документы в Литературный, где главным было хорошо написать литературный этюд и не срезаться на русском языке. По поводу экзамена по истории я не волновался, а что касается немецкого языка, который я был вынужден изучать в школе вместо более престижного английского, то, пролистав как-то на ночь учебник за последний класс, понял, что его я не сдам, и спасти меня могут только высокие баллы по другим предметам. Илюша же, делал над собой серьёзные усилия – ему предстояли суровые экзамены. Все эти толпы зубрил-абитуриентов, над которыми мы смеялись в МГУ и которые легко обошли нас по баллам – видимо они стояли у него перед глазами и он готовился к реальному сражению с ними.

– Я всегда не любил этих задорных комсомольских лидеров, которые у нас в школе на собраниях выступали, но с ними можно конкурировать, они не всегда умны и просто прут, как молодые бычки. А вот если на моё место возьмут какого-нибудь очкастого задрота, потому только, что он больше меня чах над книгами из-за отсутствия личной жизни – это будет хреново... – сказал он однажды.

Как-то в апреле, в тот день, когда маятник природы качнулся, наконец, в сторону тепла и над городом появилось долгожданное солнце, мы разбирались в последней, самой маленькой комнате, которую определили под склад и хозяйственное помещение. Мы открыли единственное окно и в наши лица ударили брызги капли, тесное пространство вокруг наполнилось свежестью и зазвучало взбудораженным пением птиц. Выбросив мусор, мы подмели пол и принялись подбивать гвоздями плинтуса в углу комнаты, где они слишком сильно отошли от стены, обнажив рваную рану несущей конструкции здания. Там Илюша и обнаружил небольшой тайник, вытащив из щели над полом завёрнутый в тряпку плоский предмет, оказавшийся общей тетрадь в прозрачной обложке и со страницами, разбухшими от сырости и тепла.

Это оказался удивительный артефакт, который мы ещё долго потом вспоминали. В тетради был расписан подробный план чьей-то жизни на ближайшие десять лет, с девяностого года по двухтысячный.

В этих подробностях сквозило нечто скурпулёзно-маниакальное, такие записи мог вести либо очень в себе уверенный человек, либо очень больной. Чего только стоили такие планы, как:

«Заработать первый миллион к декабрю 1991».

«В апреле 1992 года сбрить бороду, а в августе заработать второй миллион».

«В январе 1993 жениться, свадьбу отпраздновать в Париже, а в декабре 1994 развестись».

«Купить яхту к открытию навигации 1995».

Ну и ещё много другого бреда, который мы в последствии разнесли на цитаты.

В тот первый день настоящей весны 1993 года уже было понятно, что человеку, строившего свои наполеоновские планы из глубины 1990 года ничего из этого не удалось. Ведь даже тот, кто считает, что у него всё под контролем не застрахован от контрольного выстрела в голову или, в лучшем случае, потери всего своего состояния.

А в этом дневнике про прекрасное будущее читалось что-то неуловимо детское, наивное, как фантазии подростка, не подкреплённые его поступками. Нам даже показалось, что это писал наш ровесник.

– Надо это обязательно оставить на память, – сказал Илюша, когда мы, наконец, закончили долгое изучение этой тетради, – Чтобы перед глазами всегда был пример, как сгорают чужие мечты.

Открытие состоялось в середине мая, и его успех превзошёл все наши ожидания. Тогда мы решили устроить какой-нибудь литературный праздник и, в результате, придумали «День памяти Гумберта Гумберта». Сейчас бы это, разумеется, сочли безнравственной педофильской акцией, но на самом же деле это была обычная поэтическая клоунада с элементами эротики и чёрного юмора. У нас ведь никогда не было карнавалов, и мы надеялись, что сможем воссоздать их своими силами.

С того дня нас и началось удивительное сумасшедшее лето, оно просто вступило в силу, как вырвавшаяся из тесной коробочки спиральная часовая пружина.

Мы быстро поняли, что пускать людей сюда стоит не чаще, чем дня три в неделю и, желательно, эти дни должны идти подряд, поэтому самым удобным оказалось работать по выходным, а всё остальное время заниматься подготовкой мероприятий. У нас появились такие заботы, как закупка алкоголя по оптовым ценам и выслушивание многочисленных предложений знакомых наших знакомых, которые собирались что-то у нас устроить.

В то время уже существовало современное искусство, ведь Осмоловский ещё пару лет назад выложил телами добровольцев знаменитое слово из трёх букв на Красной Площади и какие-то непонятные люди, которые называли себя «художниками» хотели использовать наше место под свою площадку. Разные музыканты так же хотели у нас играть и чтобы им за это платили хорошие деньги, а так как мы собирались устраивать вечеринки в стиле эйсид-джаз, то за диджеями подтянулись их знакомые драгдилеры – всю эту публику приходилось отсеивать.

К тому же ещё до нашего открытия я влюбился в Веру, и любовь моя была безответной – это стало понятно через два месяца.

Мы познакомились в Ленинской библиотеке, то есть это я к ней пошёл и познакомился, мне понравилось, как она внимательно читала, время от времени заправляя за ухо спадавшие на страницы книги длинные волосы. Я тогда подумал, что это уж точно умная девушка и не ошибся. Она училась на искусствоведа, где, уже и не помню, и она была такой стильной, но «домашней» девушкой, поэтому, когда я первый раз привёл её к нам в субботу вечером, это немного её шокировало.

– Слушай, ну что это за люди, – сказала она мне потом, имея ввиду публику, – Это же какие-то анархисты!

Встречались мы не часто, иногда Вера ссылалась на занятость в институте, но тогда я просто не понимал, что она не рассматривает меня в качестве кандидатуры на роль своего молодого человека.

Когда я рассказал про неё Илюше, он ответил: «А ты познакомь меня с ней и я тебе помогу». Я это сделал, решив впоследствии, что именно это стало моей ошибкой, мне тогда в голову не могло прийти, что ей просто нравятся другие мальчики.

Сначала мы хотели назвать наше место «Корабль дураков», в честь картины Босха, но потом подумали, что это может отпугнуть кого-то из публики. Другой вариант был «Капитан Немо» как бы намекая на глубоководное погружение. Вообще, в перебираемых нами названиях было много морской тематики, мы скучали по морю, мечтали о плаваниях по открытым водам, и даже в найденной нами тетради один из последних планов её автора звучал так: «К 2000 году завершить морское кругосветное путешествие».

Поэтому мы, в результате, назвали наш клуб «Кругосветное Путешествие».

К июню наш режим уже устоялся. Мы принимали посетителей в субботу, воскресенье и понедельник. Понедельники, кстати, пользовались успехом, потому что многие скучали после выходных, страдая «синдромом продолжения праздника». Остальное время мы подготавливали всё необходимое для следующего уикэнда, готовились к экзаменам и просто отдыхали. То есть отдыхал в основном я, потому что Илюша был всегда чем-то занят.

С Верой Илюшу я познакомил в первый понедельник июля, когда в Москве ещё длятся короткие светлые ночи. В летней Москве в те времена совершенно нечего было делать, все, кто имел возможность, к этому времени уже покинули город и гостей к нам тогда пришло очень мало. В тот день мы устраивали просмотр фильма Тима Бартон «Эдвард руки-ножницы», а в полночь заперли входную дверь и пошли втроём гулять по Москве.

Посреди ночи мы стояли у лавочек ночного Гоголевского бульвара, пили шампанское и говорили о поэзии, когда к нам вдруг подошёл странный, очень высокий человек и со смехом начал что-то говорить.

– Извините, а вы хоть спросили у нас, хотим ли мы с вами общаться? – строго сказала ему Вера.

Тогда он достал из внутреннего кармана куртки открытую бутылку дешёвого портвейна и протянул её Вере.

– Да угощайся!

– Спасибо, я не хочу, – ответила она.

– А, девчонка, – засмеялся человек, – Я люблю девчонкам носы ломать.

Возникла мрачная пауза.

– То, что вы сказали, это неприятно для меня, – ответила Вера после недолгого молчания, – У нас тут свой разговор и, может быть, вы уйдёте?

И тогда этот человек усмехнулся и ударил Веру по лицу.

Следующая секунда длилась для меня очень долго. Я понял, что сейчас произошло событие, на которое нужно как можно более быстро отреагировать.

В эти микросекунды Вера только отшатывалась от удара, а Илья открывал от изумления рот – я понимал, что в драку он не ползет, да и сам я тоже не умел драться, но выбрал единственное, правильное на этот момент решение. Я вскочил на лавку, рядом с которой мы находились. Дело в том, что я маленького роста, поэтому, в качестве компенсации, всегда старался держать себя в спортивной форме, отжимался, подтягивался, хотя в то время это было совсем не модно.

Так вот, встав на эту лавочку, я оказался на такой высоте, что мог достать до лица этого придурка и, как учил меня мой покойный одноклассник Лёша Монастыршин, нанёс ему не один удар, а целую серию. Я бил его по морде до тех пор, пока он не отшатнулся.

Потом он взревел, как доисторическое чудовище и, пошатываясь, двинулся в сторону дороги. Вера и Илюша всё это время находились в состоянии ступора. Спрыгнув с лавки, я подошёл к Вере.

– Куда он тебя ударил?

Вера дотронулась пальцами до брови.

– Здесь. Сейчас будет опухать, надо холодное что-то приложить.

– Ох, какой урод, – произнёс Илюша, только начиная приходить в себя.

Я обернулся и увидел, что высокое чудовище бродит в этот момент по проезжей части, с инфернальной ловкостью уворачиваясь от редких, проезжающих мимо машин.

– Так, а где мы возьмём что-нибудь холодное... где тут ближайший ночной магазин? На Арбатской? – от волнения я очень плохо соображал, а Вера просто испытывала состояние культурного шока от того, что какой-то непонятный человек может просто так взять и ударить её по лицу.

– Федя, он возвращается! – стиснув зубы, пробормотал Илюша.

И действительно, существо, закончив шляться по пустой дороге, где оно не нашло своей погибели, теперь уже уверенно брело в нашу сторону. Видимо для того, чтобы закончить эту историю.

Вера ахнула.

– Ну что, Илюша, дальше так же ссать будешь или мне поможешь? – поинтересовался я. Он только отрицательно помотал головой.

– Убейте его, ребята, – неожиданно сказала вдруг Вера.

И это сработало. Как-то не сговариваясь мы шагнули на встречу к подходившему монстру и высокий Илья взял на себя его верхнюю часть тела, а маленький Федя – нижнюю. Нам как-то очень быстро удалось повалить его на асфальт перед памятником Гоголю – именно тем местом, где мы, собственно и познакомились, не испугавшись два года назад толпы гопоты. Потом мы некоторое время били его ногами, а Вера, в своих новых ботинках «Доктор Мартинс», прыгала на его туловище, как на куске поролона.

Понятно, что убивать мы его не собирались, нам просто хотелось усмирить это существо, чтобы оно потом, как в фильме ужасов, не встало и не пошло вслед за нами.

Продолжалось это недолго – мы не были кровожадны, но сильный выброс адреналина заставил нас ещё долго гулять по переулкам, вглядываясь в светлое и пронзительно синее июльское небо. Наверно, именно таким оно было в сорок первом году или на пороге любых катастроф и революций.

Мы пили вино в каких-то дворах, похожих на обветшалые усадьбы деревенских помещиков – тогда такие ещё оставались – а потом расстались, пройдя по ступенькам подземной станции. Мы вошли в утреннее метро, Вера поцеловала каждого из нас в щёку и уехала к себе на Проспект Вернадского. Бровь у неё к этому времени уже сильно опухала.

На следующий день я позвонил Вере, и она сказала, что у неё появился фингал и теперь она должна будет несколько дней провести дома.

И я только спустя месяц узнал, что в тот день к ней приехал Илюша. А потом и на следующий день, а потом и вовсе остался у неё ночевать.

Как раз в это время, в августе, у меня начинались экзамены в Литературный Институт, которые я с треском провалил, прославившись тем, что пришёл пьяный на апелляцию из-за тройки по истории.

В то время я находился в состоянии такого эмоционального раздрая, что мог легко пройти по перилам моста и очень любил кататься сзади на троллейбусах, там, где наверху у них – лесенка, а внизу – очень удобные подножки для ног. И только ангел, который нежно целует в затылок всех, кто болен от несчастливой любви, спас меня от несчастного случая.

Сам же Илюша успешно поступил в РГГУ и после зачисления стал всюду теперь бывать вместе с Верой. Отношений мы не выясняли. Я просто перестал приходить в «Кругосветное путешествие».

Полтора года мы не общались, а тридцать первого декабря 1994 года я позвонил ему по телефону и поздравил с наступающим новым годом.

... Мы встретились после праздников, в самом начале 1995 года и меня сразу поразила перемена, которая за это время с ним произошла. Теперь это был не робкий юноша, а студент престижного университета и деловой человек, имеющий свой бизнес. Да, наше место к этому времени стало настоящим клубом, со своими официантами, поваром и билетёром-вышибалой на входе. Поговорив с ним чуть более часа, я понял, что он стал более цинично относиться к происходящему вокруг, но сохранил идеализированные взгляды на искусство и роль автора в обществе. Впрочем, тогда мы ещё верили в то, что русская культура, опыт её прошлого и

развитие в настоящем, может как-то изменить и спасти эту страну. Про Веру он только обмолвился, что она совершила по отношению к нему акт предательства, а я не стал уточнять подробности. Мне он сразу предложил работать у него тем, кого называют сейчас арт-директором. Предупредил, что много платить мне не сможет, но рассчитывает на мой вкус и отношению к делу. Не знаю, были ли мы те пол года друзьями, но наши отношения всё же не строились по форме «начальник-подчинённый». Скорее всего, это было деловое сотрудничество с совместным пьянством и времяпровождением.

Летом я второй раз поступал во ВГИК – к тому времени я ещё нигде не учился, а у Илья ещё весной появились проблемы сначала с бандитами, а когда он решил их с помощью сосватанной ему одной женщиной крыши, состоящей из сотрудников МВД, то потом проблемы начались уже с ними. Деньгами он с ними поделился, но этого им оказалось мало, и они захотели стать совладельцами. Илюша прекрасно понимал, что если так произойдёт, то это место быстро превратится в обычный бандитский кабак – работники МВД не слишком от них отличались.

Теперь Илюша думал, как ему от них отвязаться, потому что искать какую-нибудь другую, например, чеченскую крышу, было бы совсем опрометчиво.

Илья собирался сначала поменять статус этого места, представив его как кафе при арт-галерее, но всё равно четырёхкомнатная квартира в центре Москвы оставалась слишком лакомым куском и официально она ему не принадлежала. Он только платил за её аренду той самой суровой тётке из ЖЭКа, которая сильно поднялась за это время, ездила пусть на старом, но мерседесе, и имела сотовый телефон.

Илюша очень не хотел покидать место, которому за два года отдал столько сил, но понимал, что выиграть сражение с этими прожженными монстрами ему может помочь только счастливый случай. Поэтому он решил потянуть время до осени и постараться успеть заработать побольше денег.

Для этого мы устроили во дворе дома фестиваль, на который пригласили всех, кого смогли. Он прошёл в последние три дня августа, когда жители большого города уже вернулись из отпусков и готовятся к встрече осени.

Первый день был отдан под выступление поэтов и акустику. Во второй играли группы, исполняющие реггей и экспериментальную электронную музыку, а в третий, последний вечер, должна была состояться танцевальная вечеринка, посвящённая прощанию с летом. Дом наш был ещё заброшен в ожидании ремонта, жили там только какие-то тихие нелегалы, которых пускала за деньги тётка на мерседесе, поэтому с музыкой никаких проблем у нас не было.

Людей пришло очень много. Мы с Илюшей в те дни очень мало спали, постоянно разруливали какие-то дела и старались, чтобы всем было хорошо, прекрасно понимая, что это последнее такого рода событие, но, разумеется, не догадывались, что это так же и последние дни самого «Кругосветного путешествия».

Что же касается меня, то ещё в июле я поступил на сценарный факультет ВГИК к Александру Кайдановскому, и в сентябре готовился войти в новую для меня среду Института Кинематографии, поэтому первое число я тоже ждал с нетерпением, а закончить вечер 31 августа мы собирались салютом, накупив большое количество китайских фейерверков.

Ранним вечером, когда танцы уже начались, я зашёл в квартиру, чтобы вынести во двор пиротехнику, и заметил в пустом баре одиноко сидящего человека лет сорока пяти. Выглядел он любопытно – в грубой косой куртке и дорогих очках в тонкой оправе.

– Молодой человек, – обратился он ко мне, когда увидел, что я открываю нашу комнату-склад и что-то забираю оттуда, – Могу ли я увидеть владельца этого места?

– Извините, он сейчас занят, – ответил я и не соврал, потому что мы действительно были тогда в диких запарах.

– А вы не могли бы ему передать, что я хочу в течение оставшихся двух часов купить у него это место.

Я закрыл комнату и с удивлением на него посмотрел.

Человек в косухе тем временем вытащил из кармана антикварные часы на цепочке, небрежно откинул крышку и посмотрел в циферблат.

– Сейчас девять часов и одиннадцать минут, – сказал он, – Если до полуночи наша сделка не состоится, то это заведение превратится в тыкву, а ваш друг – в Золушку.

Я ошарашено застыл с пачками фейерверка в руках.

Во дворе играла музыка.

И хотя лицо мое не выражало никаких видимых эмоций, но в сознании уже вспыхнула, замигав, яркая оранжевая лампа и раздался сигнал тревоги. Его прерывистый неприятный звук перекрывал даже играющую во дворе музыку.

– Конечно, я передам... только как мне сказать, кто вы?

– Представьте ему меня как волшебника. Доброго волшебника, который через три часа может стать очень злым.

– Хорошо.

Пытаясь сохранять невозмутимый вид, я покинул клуб и вышел во двор. Предполагая, что человек наблюдает за мной из окна, я спокойным шагом дошёл до точки запуска фейерверка, а когда смешался с толпой танцующих людей, то за несколько мгновений достиг импровизированной сцены. За ней располагалась закрытая зона, условно огороженная висящими на верёвках простынями. Там я нашёл Илюшу, который в этот момент разруливал споры двух диджеев о том, кому из них последнему играть на закрытии. В качестве компромисса он уговаривал их устроить совместный сет, но оба были не согласны, так как имели разное видение материала, который должен был звучать непосредственно во время салюта.

Я попытался дождаться, пока они придут к какому-то соглашению, но спор затягивался. Тогда я посоветовал просто подбросить им монетку, чтобы их разрешил случай, отвёл своего друга в сторону и кратко рассказал о человеке с антикварными часами. Илюша на мгновение задумался, а потом положил руку мне на плечо.

– Всё, Федя, «Кругосветное путешествие» кончилось. Через два часа это место перестанет быть нашим.

– И ты даже не пойдёшь с ним поговорить?

– Ты не понимаешь. Если я возьму у него деньги, то он потом повернёт всё так, что я буду ему должен. Причём гораздо больше. Ты просто дел с такими людьми не имел. Надо всё заканчивать и разбежаться! Устроить прощальный салют, а потом бросить всё и уйти!

– И ты готов с этим смириться? – удивился я.

– Знаешь, у меня было время, чтобы просчитать риски, и я понял, что они не оправданы. Борьба есть смысл только в том случае, если ты имеешь хоть один шанс на победу, а ей здесь и не пахнет при любом раскладе, понимаешь?

В ответ я молча кивнул. Собственно, к этому всё и шло, теперь оставалось лишь с достоинством принять своё поражение.

Но покинуть наш тонущий кругосветный корабль оказалось не так просто, как мы предполагали. Когда я принялся готовить к запуску салют, то стал замечать одиноко стоящих людей в кожаных куртках и чёрных, до блеска начищенных туфлях. Они сильно выделялись из колымавшейся волнами толпы, и я знал, что так выглядят опера. Теперь никаких сомнений, что нас пасут, больше не оставалось.

Я предупредил Илюшу, у которого к этому времени уже было столько денег, полученных за вход на концерт и выпивку, что он носил их в свёрнутом целлофановом пакете. Другой пакет, гораздо большего размера, лежал у нас в кладовке, в той самой комнате, где два года назад мы

нашли за плинтусом дневник мечтательного неудачника. Его надо было как-то достать, но там, рядом, в пустом баре, скорее всего, терпеливо сидел и ждал человек с часами.

– Федя, ты должен сходить туда ещё раз.

– Илюша, ты меня подставляешь!

– А кого мне ещё об этом просить?

Конечно, мне не хотелось туда возвращаться и вступать в диалог с опасным человеком, но никому кроме меня Илюша не мог доверить вынести оттуда деньги, а заодно и журналчик с нашей бухгалтерией, который, попав в чужие руки, станет предметом шантажа или поводом для заведения уголовного дела за неуплату налогов.

– Ладно. Только я светиться и выносить их не буду. Следи за окном и подходи, когда я его открою – я всё вниз тебе сброшу.

– Договорились.

Поднявшись в квартиру, я прошёл мимо бара и да, этот опасный мужик оставался там, но что-то неуловимо изменилось в атмосфере комнаты, и произошло это оттого, что он был теперь не один.

Напротив него за столом сидела девушка, каких раньше я никогда не встречал.

Это была длинноволосая блондинка в коротком синем платье, и, не смотря на конец лета, её кожа выглядела настолько молочно-белой, что, казалось, светилась в августовских сумерках, контрастируя с жёлтым светом свисающих с потолка ламп. Она была явно «не отсюда» и под этими словами я имею в виду не социальную среду или географическое местоположения, а нечто большее.

Не смотря на то, что бар на эти дни переехал во двор, перед ними стояла какая-то бутылка зелёного стекла и два пластиковых стаканчика, на треть наполненных жидкостью жёлтого цвета. Я на мгновение застыл, разглядывая её, а потом быстро проскочил мимо, но мужик в косухе даже не обратил на меня внимания, его взгляд был прикован к девушке, впрочем, это было совсем не удивительно, да и меня такая ситуация вполне устраивала. Я открыл комнату, запер за собой дверь, нашёл сумку покрепче и переложил туда деньги, а так же большую тетрадь в твёрдой обложке, где и велась вся наша бухгалтерия.

Пробежал глазами по складу и понял, что кое-какие вещи хоть и представляют некоторую ценность, но они нужны только здесь, на территории «Кругосветного путешествия», в другом месте им просто может не найтись применения. Так, уезжая жить на север, мы не берём с собой сандалии и шорты, а улетаю на юг, постараемся не отягощать свой багаж зимней одеждой.

От многолетнего действия сырости и солнца, деревянные оконные рамы высохли и склеились между собой, мне пришлось забраться на подоконник и несколько раз пнуть их ногой, чтобы открыть.

Я глянул вниз и увидел Илюшу, который конспиративно стоял у стены, делая вид, что просто слушает музыку. Я уже собирался как-то привлечь его внимание, но тут взгляд мой упал на висевший у окна костюм повара – белый халат и шапочку. Надеюсь, что Илюша поймёт ход моих мыслей, я снял его с крючка, запихнул в сумку и благополучно скинул её в руки Илюши.

Закрыв комнату, я собрался, было, так же тихо свалить, но любопытство и желание получше рассмотреть эту странную девушку заставило меня остановиться в дверях.

На этот раз и белая девушка и человек с часами повернули лица в мою сторону.

– Ну и где мои ключи от квартиры? – спросил мужчина в косухе.

– Я передал ваше сообщение.

– Значит, он не придёт, судя по всему?

– Я не знаю.

– А я знаю. И уже тут осваиваюсь.

После этих слов я собирался уйти, но тут девушка достала откуда-то ещё один стаканчик и поставила его на стол.

– Выпей с нами абсент, – предложила она, и я понял, что не могу отказаться.

Подошёл к их столу и сел на свободный табурет, а она налила мне сразу половину стакана. Бросив взгляд на этикетку, я обнаружил, что содержание спирта в этом напитке составляет 74 процента, но меня это не напугало, а скорее даже обрадовало – в подобной ситуации просто необходимо было принять хорошую дозу чего-нибудь крепкого.

– Спасибо. Никогда не пил абсент. А где вы его достали? В Москве же не продаётся.

– Это из Праги, – ответила она, – Я прожила там некоторое время.

– На улице Алхимиков? – почему-то спросил я.

Девушка улыбнулась. Глаза её были изумрудного цвета, они напоминали бездонный колодец, и я понял, что не такая уж она молодая, просто хорошо выглядит, а лет ей может быть сколько угодно.

– На улице Метакхимиков, – ответил за неё опасный мужик, потянулся за бутылкой, налил ей и себе по четверти стакана и продолжил, – Предлагаю выпить за то, что Вишнёвый Сад теперь мой!

После этого он покосился в мою сторону, пытаясь оценить, какое впечатление произвёл на меня своей фразой, но я только поднял свой стакан и сказал:

– За тонущий корабль пью не чокаясь.

И, не спеша, но не отрываясь, выпил свою порцию. В горле стало горячо, но мне как-то уже доводилось делать глоток чистого спирта, и тогда ощущения были похуже, поэтому сейчас я стойко принял алкоголь и даже не скривился. Хотя, честно говоря, на вкус этот легендарный напиток оказался на редкость мерзостным пойлом, от которого у меня сразу покраснело лицо и повысилось слюновыделение.

А те двое чокнулись, с улыбками глядя в глаза друг другу, и медленно пили маленькими глотками. Только улыбка мужчины была торжествующей ухмылкой победителя, а улыбка девушки имела сразу несколько эмоциональных и смысловых уровней, а на последнем, самом глубинном из них читалось: «Я самодостаточна и опасна. В любую секунду я могу исчезнуть, а потом так же неожиданно появиться и ударить».

И мне стало ясно, что она вовсе не с ним, а ведёт какую-то собственную игру по правилам, известным лишь ей одной. И она тоже ждёт Илюшу, но особо на это не рассчитывает, и теперь они сидят здесь, как два демона на перекуре после обеденного перерыва. Только человек с антикварными часами не считывает этого, не догадывается кто перед ним, потому что она воспринимает его, как потенциального противника и выставила перед ним щит, а мне почему-то позволяет смотреть на настоящую себя.

– Если он не собирается приходить, так пусть хоть через кого-то передаст мне ключи, – мужик отвлёкся, наконец, от созерцания женской красоты и перевёл своё внимание на меня, – Ты не думай, мои ребята любую дверь могут открыть, просто это такой символический жест.

В это мгновение я и почувствовал действие абсента. Он высвободил и расправил сжатую пружину моих нервов, я даже услышал, как она вздрогнула, раскрываясь внутри моего черепа. Эта вибрация расслабила меня и наполнила разум спокойствием.

– Наполеон тоже ждал, когда ему ключи от города принесут, – ответил я.

– Считаешь меня захватчиком? – мужчина оставался невозмутим, – Но ведь уже пришла пора прикрыть вашу лавочку. И заметь, я даже не спрашиваю, как тебя зовут, ты мне не интересен.

В ответ я лишь равнодушно пожал плечами и собрался, было, уходить, но тут белая девушка произнесла фразу, над которой я ещё долго потом размышлял.

– Зато я знаю, кто ты, – сказала она, – Мальчик, который укротит Камень.

– Чего? – удивился я, поворачиваясь в её сторону.

– Но это будет нескоро. Поэтому трать пока свою юность, начинай взрослеть и закалять твёрдость духа, это тебе пригодится. Поверь мне, будущее совсем не такое, как ты себе представляешь.

Теперь я был совершенно сбит с толку, а человек в косухе тем временем достал из внутреннего кармана увесистый мобильный телефон с антенной, набрал какой-то короткий номер и без приветствия произнёс: «Когда всё закончится, начинайте».

И, не смотря на прохладу стен старого дома, мне стало жарко.

Я понимал, что пора уходить, тем более, что в этот момент во дворе, гораздо раньше запланированного нами времени, грянул фейерверк – это говорило о том, что обстановка внизу уже сильно накалилась.

А когда сидящий с нами человек отвернулся, чтобы посмотреть на россыпи салюта в окне, произошло что-то тихое, но совершенно дикое. На всей молочно-белой коже девушки за исключением её лица, вдруг выступили чёрные татуировки. Цвета тьмы в тёмной комнате. Сложные, узорчатые переплетения. Я видел их совсем не долго, возможно, не более двух секунд и успел только заметить, что они не имели острых углов и при этом непрерывно двигались, плавно перетекали по ней, словно сотни маленьких змеек.

От неожиданности я моргнул, и её кожа вновь стала чистой. Она смотрела на меня и улыбалась.

– Ты уже понял? Я ведь тоже жду твоего друга.

Мужик в косухе опять повернулся к нам. Удивление на его лице быстро сменилось холодным напряжением. Глаза его прищурились, он явно собирался что-то сказать, но осёкся, когда она на него посмотрела.

– Но, в отличие от этого господина, – продолжала девушка, – Я изначально не ставлю никаких ультиматумов. Не важно, придёт он ко мне сейчас, завтра или летом через три года – у нас с ним впереди есть ещё время. Так и передай ему: Алла тебя подождёт.

Я кивнул и быстро встал из-за стола, чувствуя, что оставаться здесь больше нельзя.

– Приятно было с вами познакомиться, – только и смог произнести я, обращаясь исключительно к ней, – До свидания.

– Ну, с тобой-то мы вряд ли ещё увидимся, – процедил сквозь зубы мужик.

А она поцеловала кончики своих длинных пальцев, после чего приложила их к моему лбу над переносицей, а человек с часами, скривив губы, молча наблюдал за происходящим.

Через мгновение я уже бежал вниз по лестнице, держа в голове лишь одну мысль: «А вдруг она меня заколдовала?!» А когда выскочил, прыгнув, как резиновый мячик, по ступенькам подъезда, то сразу понял – что-то не так.

В чаше двора стремительно потемнело, музыка смолкла. В безветренном воздухе покачивался дым от фейерверков, его пронизывал свет трёх небольших прожекторов. А воины сумерек, те, что стоят «между собакой и волком», а попросту говоря, являются шакалами, теперь размахивали своими мусорскими удостоверениями и выгоняли со двора одних людей, грубо обыскивали других, а на одном парне с растафарианскими дредами уже застёгивали наручники.

Трое самых мрачных оперов, с фактурными рожами подмосковного быдла, разворовывали остатки из дворового бара, открывали бутылки и пили прямо из горла, громко ржали и выкрикивали оскорбления проходящим мимо девушкам. Они выражали готовность в любой момент вступить в драку с посетителями концерта, достаточно было лишь одного неосторожно брошенного слова, одной искры догорающего фейерверка.

Мимо меня быстро прошёл какой-то толстый повар в халате и белом колпаке, в каждой его руке болтался пакет с мусором, откуда торчали горла пустых бутылок.

– Быстро уходи! – процедил повар сквозь сжатые зубы и только тогда я опознал в нём Илюшу, который удачно воспользовался предложенным мной камуфляжем, а пакет с выручкой замаскировал под пивное пузо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.